

родиница и говорить: «Трехъ-сынъ, не отдавай царю перстень! Я завтра вамъ обоню вѣло въ котлахъ искупаться; тебѣ—въ смолѣ, а ему—въ молокѣ, въ бѣломъ кипятилѣ!...» Повелъ Трехъ-сынъ конька въ зеленые луга. Конь и говорить: «Ну, Трехъ-сынъ, завтра на тебя бѣда! Не забудь меня. Вудешь купаться въ смолѣ, а царь — въ молокѣ, только вскричи: О, гдѣ мой добрый конь? Рае прѣщуся съ тобой: пришею въ котелъ правую ноздрей—вылетитъ вся смола; изъ лѣвой ноздри пушу дыму—не увидать никто».

На утро подвѣсили котли и наклали подъ нихъ дровъ, вскипятили смолы и молока. «Ну, женихи, купайтесь въ котлахъ! Кто искупается, тотъ мой мужъ!» Трехъ-сынъ и говорить: «Ваше царское величество, искупайтесь прежде, а мнѣ не вѣдн». Морская богородица и говорить: «А кто меня доставалъ, тотъ и вѣнчаться со мной будетъ». Трехъ-сынъ закричалъ громкимъ голосомъ: «Ой, добрый конь, погибай!» Конь подбѣжалъ, громкимъ голосомъ варжалъ, фыркнулъ правую ноздрей—вся смола вылетѣла; изъ лѣвой ноздри дымъ пошелъ. Выкупался въ смолѣ добрый молодецъ, сталъ ни задумать, ни загадать, ни перомъ написать. Царь въ молоко махнулъ и теперь тамъ. Тутъ Трехъ-сынъ не пиво варить, не вино курить, сейчасъ да и за свадьбу. Обвѣнчали и въ палаты помчали; стали жить да быть.

(Абрамъ Новосельцевъ).

13.

Козья Шкура.

У одного царя былъ воякъ лошадей. Кобыла одна, какъ жеребиться, такъ изъ табуна вонъ выходила и приходила всегда безъ жеребенка. Подошло ей время третьимъ жеребиться; воть сынъ и просится у отца караулить кобылу. «Пусти, батюшка!» «Гдѣ тебѣ укараулить кобылу?» «А можетъ статься, и укараую». Осѣдлагъ коня и поѣхалъ въ воякъ кобылу караулить. Кобыла

начала поглядывать: бѣжать захотѣла. Конь ему и говоритъ: «Мотри, добрый молодецъ, побѣжить, такъ меня пускай; она ѣсть остановится, и ты меня ѣстьпусти!» Кобыла поднялась, много ли, мало ли скакала, доскакала до камышу и брянулась въ камышъ и стала жеребиться. Конь и говоритъ: «Добрый молодецъ, поди, какъ только изъ прохода появится жеребенокъ, держи его за уши!» Только что жеребенокъ высунулся изъ прохода, онъ его за уши и схватилъ. Пошелъ онъ его мыкать по лѣсамъ, по рѣкамъ, по болотамъ и назадъ опять принесть. И встали всѣ три жеребца врядь: одинъ хорошъ, другой лучше, а третій еще лучше. И говорятъ они ему: «Добрый молодецъ, возьми изъ насъ только по волосу, а насъпусти: мы тебя еще пригодимся!» Царскій сынъ взялъ у нихъ по волосу, завязалъ въ разные ушлы, а ихъпустилъ. Подходить его конь (а кобыла ужъ въ конюшнѣ) и не знаетъ. «Станешь меня орѣховыми ядрами кормить—такъ повезу, а то нѣтъ». «Буду кормить, вези только!» Приѣзжаетъ въ домъ, говоритъ отцу. Нечего дѣлать, надо ядрами орѣховыми кормить; а у него была жена (мачиха ему), ей и досадно кажется жеребца орѣхами кормить. Она вонюху да и захвораѣ. Сколько лѣтъ ея не привожили—никто вылечить не могъ. И говоритъ она своему мужу: «Заколите вотъ этого жеребца, выньте изъ него сердце и вылечите меня!» Ей, вѣшь, ступить хочется. А сынъ ходитъ въ училищѣ; учиться пойдеть—къ коню зайдеть; изъ училища—опять къ нему. Жеребецъ ему и говоритъ: «Ну, добрый молодецъ, меня колоть хотять; какъ стану тебѣ обратывать, я заржу—стѣкла вылетять изъ училища, гдѣ ты учишься; а если валить стану, такъ бѣги проворнѣй: съ училища верхъ слетить, а я безъ тебя еще не дамся». Обратали жеребца, поваляли; царскій сынъ прибѣжалъ и говоритъ: «Ватюшка, дай мнѣ на немъ въ остальныя разы хотъ дворокъ проѣхаты!» Сѣлъ прокатиться отъ стѣны до стѣны, взвѣлся и перемахнулъ черезъ стѣну. Убѣжалъ изъ царства, долго ли мало ли ѣхалъ, только попалъ въ другую землю. Коня царскій сынъ пустилъ, самъ коню шкуру на себя надѣлъ и пошелъ. Попалъ въ царскій садъ, а его старикъ караулитъ. Онъ къ нему въ дѣти и пошелъ. И присылаетъ тѣмъ же царь за яблоками въ садъ. «Нарвите мнѣ къ обѣду яблоковъ!» А царскій сынъ и говоритъ старикау: «Посто-ка, тятенька, а самъ дамъ!» Одно далъ красно,

друго — половина гнилая, а третье все гнилое. Царь съ гостями и сталъ думать, къ чему такіа яблоки принесены. Въ сенатъ царь ходилъ, и то не разсудилъ. Подходить самая малая дочь и говорить: «Вотъ что, батюшка: красное то яблоко это мое красны года, а гниловатое — это середней дочери года (время проходить)» а совсѣмъ гнилое — вовсе время проходить у старшей дочери». Царь и отдалъ старшую дочь за начальника, середнюю тоже за чиновника, а младшую за Козью Шкуру. Женились, да шеры и пошли. Царь столуетъ съ тѣми зятьями, а Козью Шкуру не пускаетъ къ себѣ, особенно горючку отъелъ. Младшая дочь плакать начала. И случилось такъ, что на царя вознство пошло. Поѣхалъ царь съ двумя зятьями на войну, а младшая-то подошла и просить: «Дайте, батюшка, моему то каку-нибудь лошаденку выѣхать поглядѣть». «На, возьми», говорить, — «водовозку!» Съѣлъ царевнѣ сынъ лапцѣмъ къ хвосту, да лапцѣмъ погонять. Заѣхалъ въ лѣсокъ, за кустокъ, козью шкуру спинулъ, лошадь отпустилъ и вынулъ одинъ волосъ (перваго жеребца). Явился передъ нимъ конь ни издумать, ни изгадать, ни перомъ написать. Выѣхалъ онъ на немъ къ войску и не столько руками побилъ, сколько конемъ подавилъ. Царь и говорить: «Добрый молодецъ, милости просимъ ко мнѣ чай пить!» «Угожу, такъ приѣду, а не угожу, такъ не приѣду». Поѣхалъ назадъ, коня пустилъ, козью шкуру надѣлъ, волосъ въ уздѣ завязалъ и на водовознѣ домой вернулся. «Какъ разоспался, если увидишь что, не слазливый!» Ну, значить у него козья шкура и заворотилась: царскую одежду и видно. Жена обрадовалась. На второй день царь опять зятьевъ беретъ, а этого опять вѣтъ. Младшая дочь у отца просить: «Батюшка, дай моему-то лошадь каку-нибудь!» «Да вонъ водовозна-то, бери!» Поѣхалъ опять царскій сынъ на водовознѣ; заѣхалъ въ кустокъ и вынулъ изъ узда волосокъ середняго жеребца. Явился конь ни издумать, ни изгадать, ни перомъ написать и покатилъ. Съ столько руками не побилъ, сколько конемъ подавилъ. Царь опять зоветъ: «Добрый молодецъ, милости прошу ко мнѣ чай пить!» «Если угожу, такъ приѣду, а не угожу — не приѣду».

Приѣхалъ, спать легъ и говорить женѣ: «Смотри, если я разоспался, ты что увидишь — не слазливый!» У него козья шкура и

того больше заворотилась. Жена пуще повеселѣла. Прошла ночь; царь уѣхалъ съ зятями на войну. Она и идетъ къ матери и говоритъ: «Матушка, попроси моему-то лошадей!» Дали ему опять водовозку. Заѣхалъ онъ за кустомъ, снялъ козью шкуру и взялъ волосокъ отъ третьего жеребца. Всталъ передъ нимъ картина — не жеребецъ, а самъ онъ сталъ молодчина, кровь съ молокомъ. Столько руками не побилъ, сколько коземъ подавилъ. Царь опять его зоветъ: «Добрый молодецъ, просимъ милости обѣдать во мнѣ!» «Ладно», говорить, — «обѣдать приѣду». А женѣ сказалъ передъ отѣздомъ: «Ты смотри, встрѣчай меня, какъ приѣду! Я не въ такомъ образѣ — то вернусь». Царь приѣхалъ, спотопили обѣдъ, ждутъ добраго молодца. Ѣдетъ молодецъ. Царь выходитъ и встрѣчаетъ, за руки въ горницу водить. Какъ вошелъ, такъ жена на шею ему и кинулась. Царь отецъ и говорить ей: «Дура», говорить, — «что ты на чужихъ-то издаешься? Ты бы въ ту пору такого мужа выбирала!» «Ватушка», говорить младшая дочь, — «это мой мужъ и есть!» Царь отдалъ тогда ему свое царство, а тѣ зятья ступай по своимъ мѣстамъ.

(Записано отъ воротянки Александра съ Олѣрки, Сахаров. губ. Старонольск. уѣзда).

14.

Окансѣвое царство.

Вилъ у купца сынъ и задумалъ онъ въ службу идти. Пишетъ оттуда: «Вышелъ я офицеромъ, пришлое три чысчи рублей денегъ». Купецъ послалъ. Вторительно сынъ пишетъ: «Я вышелъ генераломъ, пришлое двѣнадцать лошадей дѣшлевныхъ и хорошій экипажъ, чтобы одной шерсти и росту, и кучеръ въ кучера, и фалѣторъ въ фалѣтора». Отецъ послалъ и самъ поѣхалъ къ сыну. Приѣзжаетъ, спрашиваетъ. «Такого», говорить, — «генерала нѣтъ, а есть солдатникъ, такъ онъ», говорить, — «г.....мъ». А онъ и въ правду г.....мъ. Отецъ взялъ да и отдалъ двѣнадцать лошадей настоящему генералу: «А ему», говорить, — «напи-